

«Сикстинская
мадонна»
Рафаэля

С. Н. Разгонов,
журналист

Хроника спасения Дрезденской галереи

1. Особое задание

Окончена война. Дрезден взят нашими войсками. Сейчас генерала армии И. Е. Петрова, начальника штаба 1-го Украинского фронта, больше всего волнует судьба Дрезденской галереи. Генерал знает, что во время страшного налета англо-американской авиации 13 февраля здание галереи разрушено. Что с картинами?

Преодолев лабиринт развалин, «виллис» начштаба фронта остановился перед Цвингером — вернее, перед тем, что от него осталось. Обгорелые руины, запустение, тишина. Кое-где на уцелевших стенах видны темные прямоугольники от висевших здесь картин. На глаза попались обломки золоченой рамы. Больше никаких следов. Значит, коллекцию успели спрятать.

Осмотрев развалины, генерал приказал разыскать сотрудников галереи. Хранители музея знали немного — эвакуация шла в обстановке строгой секретности. Честные немцы, ненавидевшие Гитлера, посчитали своим долгом сообщить советскому командованию адрес тайника: тоннель в местечке Гросс-Котта под Пирной. Через несколько часов у входа в тоннель уже стояли часовые. Они имели строжайший приказ — никого не впускать, пока из Москвы не прилетят специалисты.

Через несколько часов в Москве в Комитете по делам искусств прочли телеграмму из Дрездена. Это было на следующий день после Победы.

16 мая на Центральном аэродроме встретились члены бригады, которым предстояло особое задание — спасти Дрезденскую галерею. Руководитель бригады — полковник А. Рототаев, работник Комитета по делам искусств. Майор С. Григоров — искусствовед, знаток западной живописи. Его чемодан забит каталогами Дрезденской галереи на разных языках. Капитан С. Чураков — художник-реставратор. В его багаже — материалы, которые могут понадобиться для оказания первой помощи картинам: осетровый клей, папиросная бумага, скальпели, небольшой утюжок, марля.

Чураков двадцать лет занимается живописью, имеет огромный опыт по

эвакуации крупнейших музеев страны в сорок первом году. Старшие лейтенанты М. Володин и Н. Пономарев — дипломники Суриковского института. Опыта еще не имеют, зато инициативы и любви к искусству для предстоящей работы хватает. Кроме того, у Володина — рост два метра и сила богатырская — тоже немаловажное обстоятельство, если учесть, что придется поднимать тяжести.

В ночь на 17 мая защитного цвета «дуглас» взял курс на Запад. В иллюминаторы видны огоньки Ленинградского шоссе.

— Завтра Третьяковка открывается. Жаль, что разминулись, — говорит Чураков. Четыре года назад Степан Сергеевич отправлял ее в Новосибирск.

Самолет садится в берлинском аэропорту Темпельхоф. Летное поле усыпано стреляными гильзами и осколками, между бетонных плит — трава. Здание аэровокзала взорвано.

Первая проверка документов. У Чуракова поныне сохранилось удостоверение со штампом Наркомата обороны: «Предъявитель сего капитан Чураков С. С. является представителем Комитета по делам искусств. Командируется в г. Дрезден для выполнения специального задания. Начальнику тыла фронта, начальникам тыла армий и военным комендантам оказывать тов. Чуракову С. С. необходимое содействие и помощь в выполнении возложенного на него задания. Заместитель начальника тыла Красной Армии генерал-лейтенант Баюков».

Офицер на контрольно-пропускном пункте удивленно осматривает «представителей Комитета по делам искусств», одетых в военную форму, — зачем это они прилетели?

Сразу выехать в Дрезден не удалось. Ночевать пришлось в Берлине, в крытых грузовиках во дворе комендатуры. Узнали подробности штурма города.

Из Берлина выехали на попутной машине студии Грекова. В пути несколько раз пересеживались с машины на машину. Кругом все еще напоминало о войне: дымились танки, у разбитых орудийных расчетов еще не убраны убитые... На обочинах — груды искореженного металла. По всем дорогам идут люди, везут на тележках скарб: домой, в Россию, Поль-

шу, Францию. Бригада добралась до Дрездена через двое суток.

2. Встреча с Рафаэлем

В глубине тоннеля Гросс-Котта стоял зеленого цвета вагон с дощатой, грубо сколоченной пристройкой. К стенкам вагона прислонены картины. В тусклом свете электрических ламп мерцает золото старых рам, блестит лак на холстах. С одного из полотен в счастливом упоении молодостью и любовью улыбается Рембрандт с Саскией на коленях. В его руке — праздничный бокал.

Рядом «Портрет дамы в белом» Тициана, «Праздник любви» Ватто, картины Рубенса — в них радость и полнота жизни. Мало вяжется искрящийся красками мир с унылой серостью товарного вагона. Маршал Конев, генерал Петров, офицеры штаба фронта медленно идут от картины к картине, пристально вглядываются в лица античных героев, олимпийских богов, людей ушедших веков.

У входа в тоннель слышны шаги. Конев поворачивается к вошедшим:

— А это кто такие?

— Бригада из Москвы.

— Уже прилетели? — удивляется маршал. — Оперативно сработали! Вы что же, посмотреть приехали?

— Вывозить, товарищ командующий, мы с машинами, — ответил полковник Рототаев.

— Добро! Начинайте!

Через несколько часов пять «студбеккеров», укрытых брезентом, под усиленным конвоем отправились в путь. Картины в кузовах устроили надежно, дорожная качка по разбитому шоссе им не страшна. И все-таки искусствоведы в военной форме в десятый раз напутствуют водителей: «Не гоните, осторожней!»

Картины в тоннеле хранились без всякой упаковки. Только одна была укрыта в огромный деревянный ящик, который еще раньше вывез в расположение трофейного батальона младший лейтенант Л. Рабинович-Вольнский, начфин батальона, а до войны киевский художник. Что было в ящике, никто с уверенностью сказать не мог, но чутье подсказывало: здесь самое знаменитое полотно Дрездена — «Сикстинская мадонна» Рафаэля.

Все картины из Гросс-Котта были перевезены в Пильниц — летнюю резиденцию саксонских королей под Дрезденом. Этот уединенный уголок счастливо миновала война. Рядом протекает Эльба, и это очень радовало членов бригады — не потому, что из окон замка открывался прекрасный вид на реку. В те лихорадочные дни было не до лирики — близость реки интересовала главным образом с противопожарной точки зрения.

В залах замка, где поместили полотна, были затенены все окна — чтобы извлеченные из тьмы подземелья произведения живописи могли постепенно привыкнуть к новым условиям: резкая перемена могла губительно повлиять на их сохранность. Капитан Чураков оказывал первую помощь пострадавшим от сырости полотнам: укреплял рыбным клеем осыпи, заклеивал папиросной бумагой вздутия грунта и красочного слоя. Работы было много — реставратору приходилось зачастую ложиться за полночь. Хватало дел и у Сергея Павловича Григорова: он сверял найденные картины с каталогами и определял, какие произведения того или иного художника еще необходимо найти.

26 мая для всех членов бригады стало одним из самых памятных дней в жизни: вскрывали деревянный ящик. В Пильниц приехал маршал Конев. Все волновались, предчувствуя встречу с величайшим шедевром Дрезденской галереи. Когда картину извлекли из ящика, в зале воцарилась тишина. Маршал и все офицеры сняли фуражки. Это была «Сикстинская мадонна».

— Вы уверены, что это Рафаэль, а не подделка? — помедлив, обратился Конев к искусоведам.

— Настоящая «Сикстинская мадонна»!

— Без сомнения оригинал, товарищ маршал!

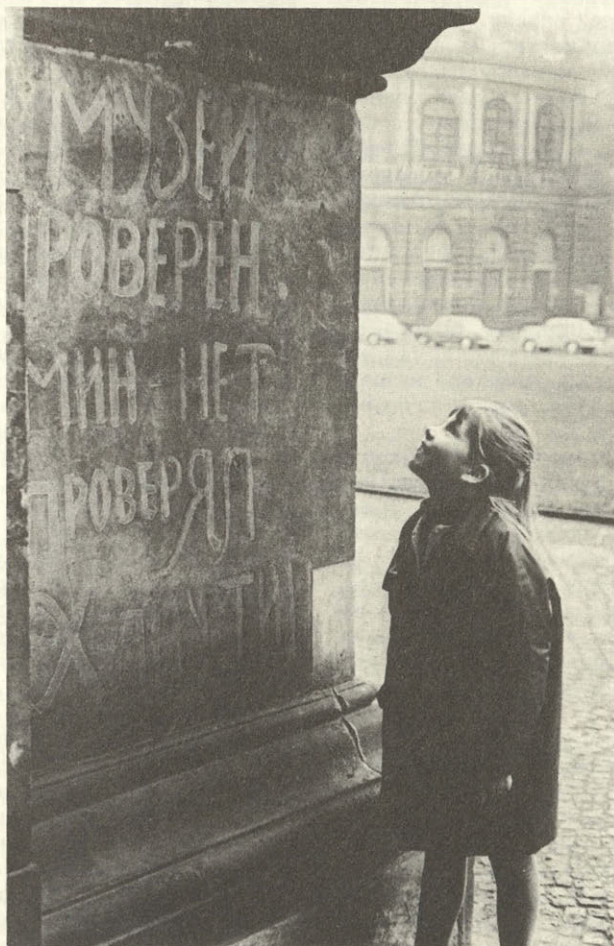
— Я должен доложить о ней Сталину.

Командование фронта приказало усилить охрану Пильница: хотя враг был разбит, опасность диверсий не миновала — в парке Пильница пограничники, охранявшие замок, обнаружили большой склад оружия и список диверсионной группы.

По частям 1-го Украинского фронта был издан приказ — немедленно сообщать об обнаруженных произведениях искусства. Можно сказать, весь фронт участвовал в розысках полотен галереи. К бригаде Рототаева прикрепили 164-й трофейный батальон, бойцов которого специально проинструктировали. Командиром батальона был майор В. Перевозчиков. Он хорошо понимал исторический смысл особого задания. Хлопотал о материалах для упаковок, об охране, о транспорте, вникал во всякую мелочь. Всегда интересовался находками...

В Пильниц со всего фронта приезжали офицеры и солдаты. После трудных дорог войны у людей было обостренное чувство прекрасного. Часто стихийно рождались лекции о картинах галереи, их читали С. Григоров и майор Н. Соколова, которая пришла в Дрезден на несколько дней раньше бригады.

— Помню, что бойцам особенно нра-

вилась «Святая Инесса» Рибейры. Они даже просили далеко не убирать этой картины, — вспоминает М. Володин, — а начштаба фронта генерал Петров бывал в Пильнице едва ли не каждый день. Генерал любил и знал искусство. Оглядываясь на события того лета, можно сказать, что спасением Дрезденской галереи мировой культура обязана Советской Армии.

Примеров гуманизма нашей армии немало: жители Праги всегда будут помнить, что их город спасли от разрушения советские танкисты; в Румынии спасены старинные монастыри; сорваны фашистские планы полного уничтожения Кракова и Белграда; в Будапеште советские саперы спасли памятник Петефи, Музей изящных искусств. В исторических городах, где было много памятников, наше командование старалось назначать военными комендантами офицеров, имевших архитектурное или художественное образование. Так, первым комендантом Эйзенаха стал бакинский архитектор А. Лимошкин. Он восстановил домик, где родился Бах. Жители Эйзенаха избрали советского архитектора своим почетным гражданином.

Сражаясь и умирая за города европейских стран, наши солдаты, будь то в Норвегии или Болгарии, Австрии или Польше, Германии или Югославии, сражались за культуру этих народов, за ее спасение от обезумевших нацистов. Советский солдат рисковал жизнью, чтобы музеи европейских стран не взлетели на воздух. Солдаты, воспитанные Гитлером и Геббельсом, хладнокровно и планомерно взрывали музеи в Польше, Франции, России.

Они и мы... Вспомним, как фашистские офицеры сожгли дом Пушкина в Михайловском, как надругались над домом Чайковского в Клину, как осквернили порнографическими рисунками усадьбу Толстого в Ясной Поляне. В ноте наркома иностранных дел СССР от 6 января 1942 года сообщалось: «В течение полутора месяцев немцы оккупировали всемирно известную Ясную Поляну. Этот прославленный памятник русской культуры нацистские вандалы разгромили, изгадили и, наконец, подожгли... Германский офицер Шварц в ответ на просьбу сотрудника музея перестать отапливать личной мебелью и книгами великого писателя, а взять для этого имеющиеся дрова, ответил словами: «Дрова нам не нужны, мы сожжем все, что связано с именем вашего Толстого...»

Они говорили — «вашего Толстого», мы говорили — «наш Бах». Для будущей Германии мы спасали все культурные ценности, которые создал немецкий народ.

Бывают в истории удивительные совпадения... В сорок пятом Потсдам со знаменитой королевской резиденцией Сан-Суси оказался на линии огня. И дворец, и парк, и фонтаны — все здесь напоминало Петергоф. Казалось, сама история поставила вопрос — постигнет ли Сан-Суси участь Петергофа? Это было испытание на гуманизм — ведь так трудно избежать повреждений памятника, когда рядом идет бой.

Но советские генералы в Германии не издавали таких приказов, как фашистский фельдмаршал Рейхенау в нашей стране: «Никакие ценности на Востоке не имеют значения...» Наоборот, мы делали все, чтобы спасти художественные ценности народов Европы.

В апреле сорок пятого года комендантом Сан-Суси был назначен старший лейтенант Евгений Ледшувейт, до войны искусствовед. Он немедленно обратился по радио к немецкому командованию с предложением не обстреливать дворец и его парк, не вести на их территории боевых действий. Комендант Сан-Суси вспоминает: «Мы были очень озабочены судьбой произведений искусства и любой ценой хотели их сохранить. В первые дни у меня не хватало солдат. Шли бои, и каждый человек был нужен на фронте. Я мобилизовал легкораненых и выздоравливающих в «парковую армию». Мы достали цемент, начали восстанавливать купола дворца, брали на учет музейное имущество...»

Они и мы... Фашисты в Петергофе куполов не восстанавливали, а стреляли по ним, и когда Большой дворец загорелся, они не стали тушить его и не позволили сделать этого нашим людям. Из золота, сорванного с купола Новгородской Софии, гитлеровская солдатня делала портсигары, солонки и прочие безделушки своим возлюбленным — «на память о восточной кампании».

...У старшего лейтенанта Ледшувейта хватало забот. Часто комендант вставал по ночам, обходил посты. Он делал все, чтобы сохранить Сан-Суси в прежнем великолепии. Даже о кактусах в оранжерее позаботился: «Я знал, что эти роскошные растения нуждаются в 33 градусах тепла, а откуда взять уголь? У нас был небольшой запас, остальное мы достали...»

Сан-Суси не принадлежал фашизму, он был детищем немецкого народа и должен был быть сохранен как памятник культуры. «Парковая армия» спасла дворец прусского короля для немецкого народа.

«Сан-Суси со своими великолепными памятниками архитектуры, — писал профессор из ГДР Фридрих Кауль, — сохранился из трудящихся нашей республи-

ки... благодаря разумной охране, которую осуществила советская власть во время боевых действий. Сан-Суси и Петродворец стали для нас, граждан ГДР, напоминанием двойного значения: Сан-Суси — благодарность и признательность советскому народу; Петродворец — решимость и готовность противостоять варварству...»

3. Обреченные на гибель

В тоннеле Гросс-Котта была найдена лишь небольшая часть картин Дрезденской галереи. Коллекции нацисты разбросали по разным тайникам — в шахтах, монастырях, замках, загородных поместьях. Из воинских частей чуть ли не ежедневно поступали сообщения: найдены картины. По указанному адресу немедленно выезжал кто-нибудь из членов бригады, но чаще всего возвращался ни с чем: оказывалось, что обнаруженные картины отношения к Дрезденской галерее не имеют. Но проверять необходимо было все сообщения. Около ста захоронений и тайников осмотрела бригада и только в пяти обнаружила дрезденские сокровища...

Особенно трудной была экспедиция на чешскую границу, к самому удаленному от Дрездена тайнику в шахтерском поселке Покау — Ленгефельд. В последние дни войны эсэсовцы, охранявшие тайник в известковой шахте Покау, разбежались, заминировав вход в шахту. Шахтеры разминировали его, вошли в тоннель и увидели картины. Один из них, коммунист, сообщил о находке командованию Красной Армии.

Пять грузовиков и легковой автомобиль с С. Чураковым, Н. Соколовой и Л. Рабиновичем на рассвете тронулись в путь. За полдень были на месте. Рабочие провели в глубокий известковый карьер, на дне которого зияли отверстия тоннелей.

— Мы шли с карбидными лампами и пороховыми свечами, — вспоминает Степан Сергеевич Чураков. — Сырость была ужасная. С потолка и по стенам сочилась влага. Вдоль узкоколейки потоком разлилась вода. Прошли метров двести, свернули налево, и в небольшой штольне увидели сбитый из досок сарайчик. Осветили его и ахнули: беспорядочной грудой лежали сваленные впопыхах картины. Их густо покрывала плесень. Холсты от сырости набухли и провисли. Я дотронулся до рамы — и к пальцам прилипло золото: лепнина размякла, будто пластилин. Еще недели две, и от картин остался бы тлен...

Бригада и бойцы трофейного батальона работали без усталости. Каждый час пребывания в таких условиях грозил картинам гибелью. До какого безумия дошли

нацисты, если бросили великие полотна в эту страшную шахту!

Из тоннеля картины осторожно вывозили на вагонетках. Как поднять их со дна котлована? Наверху на краю карьера нашли лебедку. Но трос старый, ржавый. А если порвется, и картины, едва живые, полетят по крутому склону?

Чураков решил испытать лебедку на себе — сел в ящик и приказал солдатам поднимать.

— Товарищ капитан, убьетесь, — возразил было старшина Черных.

— Поднимай! — приказал капитан.

По деревянным брусьям ящик медленно поехал вверх. Трос выдержал.

— А теперь грузите картины! — приказал Чураков. Сам укладывал их на грузовики, подкладывал жгуты под углы и между рамами, чтобы полотна в долгой дороге не проминались, не терлись.

Когда были подняты почти все картины, один из рабочих шахты подвел советских офицеров к сарайчику чуть в стороне от карьера. Замка на дверце не было. В сарайчике оказалось несколько пустых рам и знаменитая «Вирсавия» Рубенса. Судьба шедевра зависела от случайностей. Он мог стать добычей спекулянтов, сбывавших на Запад музейные ценности немецкого народа, он мог сгореть от брошенной спички.

Солдаты бережно подняли картину и отнесли в машину. Шахтеры вышли провожать наших бойцов и офицеров:

— Gute райзе! Счастливого пути!

Автоматчики заняли свои места. Караван доверху груженных машин тронулся в направлении Дрездена.

4. Поиски продолжаются

Вечерами, когда заканчивался очередной день поисков, в Пильнице собиралась вся бригада. Распределяли обязанности на завтра. Григоров, сверив находки с каталогами, сообщил: «Нет Краха, нет портретов Веласкеса, офортов Рембрандта...» Постепенно список недостающих картин становился короче. Выяснилось, что 197 полотен и среди них «Каменотесов» Курбе искать уже не придется: они погибли во время бомбардировки Дрездена американской авиацией.

Тем упорнее надо было искать то, что, по-видимому, уцелело. В Альбертинуме нашли двадцать три большие рамы. А где же сами полотна? Розыски шли без успеха, пока бойцы одной из частей сообщили: в нише Мейсенского собора видели какие-то картины. Володин и Григоров отправились в Мейсен. Наконец-то! Это были те картины, которые подходили к рамам из Альбертинума. Михаил Филиппович Володин, вспоминая об этой находке, и сейчас радуется так, как будто бы это было вчера. Еще

бы! В запыленной нише оказались Корреджо, Рембрандт, Рубенс, Тьеполо... Картины погрузили на машину и, лавируя между развалинами, отправились в Пильниц. Путь лежал вдоль Эльбы. Вдруг непредвиденная задержка: под арку поврежденного моста машина не проходит. Пришлось снимать драгоценный груз и снова — по ту сторону пролета — грузить на машину.

Большая коллекция графики была обнаружена в замке Веезенштейн. Здесь же нашли три портрета работы Веласкеса, произведения Пуссена, Мане, Дега. В замке работали около двух недель Чураков, Пономарев, Володин, Соколова, задыхаясь от пыли, просматривали сотни папок графического кабинета. Ворота замка были узки для машин. Надо было все переносить на руках.

Крупный тайник нашли в поместье Бартниц. Судьба спрятанных здесь картин едва не стала трагической: в стену здания попал снаряд, пробил ее насквозь и вышел наружу. К счастью, картины хранились чуть ниже пробоины. Их нашли усыпанными известкой, битым кирпичом, каменной пылью. Пришлось немало потрудиться, чтобы очистить холсты.

Сокровища Дрездена — это не только знаменитая галерея. Необходимы были меры по спасению уникальных коллекций фарфора, скульптуры. Объем работы возрастал. Из Москвы на помощь бригаде приехал реставратор Музея изобразительных искусств И. Петров и специалист по фарфору из музея Кусково Б. Алексеев. Отбор скульптуры шел под руководством профессора, в ту пору полковника, В. Блаватского, выдающегося знатока античного искусства. Консультантом в области графики был профессор из Эрмитажа М. Доброклонский, крупнейший авторитет во всем, что касалось рисунка старых мастеров.

Около двух месяцев напряженной работы. Непрерывные поиски, подчас с риском для жизни. И вот наконец почти все произведения из собраний галереи и музея скульптуры найдены. КATALOGИ майора Григорова пестрят плюсами. И все-таки оставались досадные пробы. И вновь машины трофейного батальона разьежаются по предместьям Дрездена.

Настал момент, когда залы Пильница уже не могли вмещать всех найденных произведений искусства. Нужно было принимать решение: что делать дальше? За ответом на этот вопрос в Москву был командирован старший лейтенант Н. Пономарев, ныне председатель правления Союза художников СССР. С ним полковник Рототаев направил письмо М. Храпченко, председателю Комитета по делам

искусств. Вот выдержки из него: «В настоящее время уже обнаружено в различных захоронениях огромное количество произведений искусства, находившихся в Дрезденской галерее... Хочу сообщить, что сейчас складывается весьма тревожное положение. Дело в том, что все произведения живописи, собранные в Пильнице, находятся с точки зрения музейной сохранности в неблагоприятных условиях: здесь стоит очень жаркая погода. Картины, привезенные из сырых подвалов и шахт, запрятанные туда фашистами, сразу попадают в весьма сухое помещение. Мы принимаем все меры, возможные в наших условиях: закрываем днем окна, ставни, двери. Проветриваем помещение ночью, когда жара несколько спадает, но всего этого явно недостаточно. Самое большое беспокойство вообще вызывает сохранность этих шедевров мирового искусства. Еще имеются случаи, когда оставшиеся в тылу у нашей армии фашисты организуют диверсии, взрывы, поджоги. И несмотря на круглосуточную военную охрану Пильница... чувство тревоги не покидает всех нас. Я не говорю уже о том, что все участники бригады, работая с раннего утра и до поздней ночи, часто поднимаемые по тревоге, не имели за все это время ни одного дня отдыха и совершенно измучились. Наши люди, прекрасно понимая всю важность работы и безусловную необходимость ее благополучного завершения, будут делать все, чтобы выполнить поставленные перед ними задачи. Мы убеждены, что сейчас настало время, чтобы срочно решить вопрос об окончании наших работ, об отправке произведений искусства в Москву... 5 июля 1945 г.»

Через неделю в Пильниц пришло сообщение: Госкомитет обороны принял решение о вывозе Дрезденской галереи в СССР.

5. Литерный эшелон

В последний день июля из Дрездена вышел литерный эшелон с грузом государственного значения. Что именно было в вагонах, на железной дороге никто не знал.

Перед отправкой члены бригады еще раз обошли весь состав, проверили двери пульманов, закрученные еще накануне стальной проволокой дверные щеколды. В девяти вагонах стояли упакованные в ящики со стружкой скульптуры Альбертинума, в остальных — обитые клеенкой контейнеры с живописью. Крупные полотна были сняты с подрамников и накатаны на деревянные валы — так же, как это делалось при эвакуации на Восток коллекций Эрмитажа и Третьяковской галереи в сорок первом году. Опыт пригодились.

На отдельной открытой платформе перевозился триптих Корреджо — в пульмане он не помещался, и над ним соорудили капитальную двускатную кровлю, покрытую несколькими слоями толя. «Мадонну» Рафаэля можно было отправить по воздуху — маршал Конев предложил для этого свой личный самолет. Но, как ни хотели все, чтобы она поскорей обрела надежное пристанище в Москве, самолетом везти не решились. Все-таки по земле спокойней.

В первые дни обошлось без происшествий. Состав охраняли пятьдесят автоматчиков. Впереди литерного эшелона по территории Германии шел контрольный паровоз — рисковать спасенными сокровищами было нельзя.

Как-то на глухом полустанке в Польше после осмотра состава железнодорожники потребовали отцепить из-за неисправности один вагон. И надо же такому случиться — именно в этом вагоне везли «Сикстинскую мадонну». Офицеры бросились уговаривать железнодорожное начальство, но оно было непреклонно: ехать нельзя, лопнула шейка оси. По счастью, недалеко от полустанка стояла советская воинская часть. Там нашлись мастера, которые за несколько часов произвели нужный ремонт.

Однажды литерный прибыл на крупную товарную станцию. С удивлением члены спецбригады обнаружили, что эшелон направили на запасной путь. Встали. Мимо один за другим идут составы, а литерный стоит.

— Ну, думаем, что-то неладно, — вспоминает Володин, — смотрю, за станцией появились какие-то мотоциклисты, на перроне крутятся подозрительные личности. Тогда наши автоматчики оцепили станцию, остановили маневровый паровоз, который мешал нам выехать, и потребовали от диспетчера немедленно отправить эшелон. Похоже, кто-то затевал провокацию. Подвергать хотя бы малейшему риску бесценный груз мы не имели права, потому и прибегли к решительным мерам, чтобы вырваться со станции.

В другом месте ночью чуть не произошло крушение. Диверсанты уложили на рельсы колеса от вагонетки. Но машинист заметил их и успел затормозить. Огромный состав замер прямо перед грудой металла.

Наконец советско-польская граница. Станция Развадово. Измученные долгой и опасной дорогой, люди облегченно вздохнули — дальше ехать по родной земле. Но радость была преждевременной, так как наша железнодорожная колея шире польской. Надо было перегружаться в новый состав. На запасных путях Развадова стояли десятки вагонов и платформ, но это были вагоны военного вре-

мени — с проломанными стенками, продрывленными крышами, а то и вовсе без крыш, грязные, некрашенные.

— Берите эти, а то и таких не будет! — сказал начальник станции.

Выхода не было, хорошо, захватили с собой из Дрездена толь, доски, гвозди — прямо на путях начали капитальный ремонт вагонов. Заняло это несколько дней. Круглые сутки у эшелона стояла охрана. Потом подогнали состав к составу и перенесли драгоценные ящики.

И вот 10 августа с самого утра вдоль дебаркадера Киевского вокзала в Москве выстроились десятки грузовиков. На перроне — взволнованные сотрудники Комитета по делам искусств, Музея изобразительных искусств имени Пушкина. Литерный прибыл без опоздания. Всем интересно узнать, как ехали, где и как нашли мадонну, «Вирсавию», «Саскию», в каком они состоянии...

Когда на вокзале уже началась разгрузка эшелона, в реставрационной мастерской Музея изобразительных искусств раздался телефонный звонок. Заведующий мастерской снял трубку: «Павел Дмитриевич, — услышал он голос одного из своих сотрудников, — приехали. Все в порядке! Ждите — скоро будем у вас». Павел Корин положил трубку и побежал с радостной вестью к директору музея, народному художнику СССР скульптору С. Меркурову.

Через час во двор музея въехал закрытый брезентом грузовик. С кузова прыгнул высокий офицер, откинул борт, размотал брезентовый полог — и все работники музея увидели ящик: «Рафаэль!» Павел Корин спустился по лестнице к грузовику и, сняв шляпу, низко поклонился «Сикстинской мадонне».

6. Десять лет спустя

На следующий день вскрывали прибывшие из Дрездена ящики. Собрались все члены бригады, выполнявшей особое задание Наркомата обороны, Корин, Меркуров, искусствовед А. Чегодаев.

Картины в дорогу были собраны тщательно, по всем правилам хранилищного искусства. В каждом ящике лежала записка с именами ответственных за упаковку. За «Сикстинскую мадонну» расписались Чураков и Володин.

— Да им всем за одну упаковку надо ордена дать, — говорит Корин. — Когда же это вы успели сделать?

Многие картины, в особенности те, что были брошены фашистами в сырые шахты, оказались в крайне плохой сохранности. Когда из ящика извлекли «Динарий кесаря» Тициана, все с ужасом увидели вздутую красочного слоя. Картину немедленно направили на «операцион-

ный стол», и вокруг нее захлопотали Степан Сергеевич Чураков и Прасковья Тихоновна Корина, жена Павла Дмитриевича, опытный мастер реставрации. В тяжелом состоянии оказалась и «Вирсавия» Рубенса: у нее тоже началось отслоение красок. Картину долго лечили, пока окончательно не ликвидировали следов варварства. Так в комнате за высокими дубовыми дверями, мимо которой ежедневно проходят посетители музея, началась многолетняя борьба за спасение сокровищ Дрездена. Чем эта борьба наших ученых закончилась, сегодня известно всему миру: все картины, пострадавшие от войны, от вандализма фашистов, были спасены.

Через несколько месяцев после окончания войны западноберлинская газета «Тэгесшпиль», сообщая о вывозе картин галереи в Москву, писала: «Эти вещи взяты в порядке возмещения за разрушенные музеи Ленинграда, Новгорода и Киева». Разумеется, считала газета, русские никогда не отдадут своей добычи.

Подобные пророчества звучали в западной печати десять лет — вплоть до 1955 года, когда мир узнал о великодушном акте СССР, передаче галереи народу Германской Демократической Республики. «Впервые в истории страна, вышедшая из войны после бесчисленных жертв победителем, возвратила побежденной стране сокровища искусства, попавшие в ее руки» — так оценили решение нашего правительства известные немецкие искусствоведы Рут и Макс Зейдевитц.

Летом 1955 года — это помнят все старые москвичи — на Волхонке с раннего утра выстраивались огромные очереди. Впервые после войны Дрезденская галерея стала доступна широкому зрителю. Нескончаемым потоком шли люди, чтобы увидеть великое искусство, спасенное Советской Армией, советскими реставраторами.

Выставка та была прощальной — полотно возвращались на родину, в ГДР, в новую Германию, навсегда покончившую с фашизмом. Поднялся из развалин Цвингер, восстановлен Альбертинум. Но память о войне осталась, добрая память о советском солдате: навеки сохранена на стене Цвингера надпись: «Музей проверен, мин нет. Проверил Ханутин».

Передавать галерею в 1955 году поехал Степан Сергеевич Чураков, прекрасно знавший состояние и особенности каждой картины.

Западные журналисты, все еще не верившие в историю спасения Дрезденской галереи, попросили Чуракова съездить с ними в Покау-Ленгефельд и разыскать тот самый тоннель. Расчет был простой — Чураков тоннеля не найдет, запутается

в его лабиринте, и тогда можно будет написать о том, что русские в сорок пятом году ничего не спасали, а захватили обыкновенный трофей.

Но Степан Сергеевич тоннель нашел, провел журналистов в штольню и подробно рассказал, как десять лет назад он с товарищами обнаружил здесь картины. Когда поднялись наверх, Чуракова узнали шахтеры. Они по-дружески обняли русского капитана.

Дрезденцы избрали Степана Сергеевича почетным гражданином своего города, правительство ГДР наградило его серебряным орденом «За заслуги перед Отечеством».

...Десять лет спустя, в 1965 году, в Дрезденской галерее открылась выставка работ трех советских художников, трех участников спасения галереи — Николая Пономарева, Степана Чуракова, Михаила Володина. Выставку приурочили к двадцатилетию освобождения немецкого народа от ига фашизма. В каталоге, изданном в Дрездене, была рассказана история спасения галереи в майские дни сорок пятого года. Статья в каталоге кончалась словами: «Мы никогда не должны забывать о подвиге советских солдат и офицеров. И выставка произведений художников Чуракова, Пономарева и Володина, принимавших выдающееся участие в спасении дрезденских сокровищ для человечества, — это только скромная дань нашей благодарности за великодушные и дружбу советского народа».

Как-то в Музей изобразительных искусств имени Пушкина из Дрездена пришли два ящика, запечатанные пломбами. В них были две картины Дрезденской галереи: «Общество в парке» Ватто и «Портрет молодого человека» Дюрера — две из сотен, спасенных Советской Армией. Немецкие друзья прислали их в Москву на выставку, посвященную 50-летию картинной галереи Музея изобразительных искусств. Принимал картины Чураков, тогда заведующий отделом реставрации музея. К нему часто приезжали гости из Дрездена за советом — ведь он изучил родословные всех дрезденских картин досконально. И каждый год в канун Дня Победы Чураков и его друзья, с которыми он в сорок пятом спасал из тоннелей и шахт шедевры живописи, получают поздравления своих коллег из Дрездена.

Есть прямая связь между днем 9 мая и судьбой «Сикстинской мадонны» — наша Победа вернула человечеству немеркнущий свет великого искусства.

Статья С. Н. Разгонова представляет собой фрагмент его книги «Завещано веками», которая выйдет в свет в 1985 году в издательстве «Молодая гвардия».

В результате вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз во время Великой Отечественной войны на временно оккупированной советской территории фашисты разрушили и разграбили 427 музеев: в России — 173, на Украине — 151, в Белоруссии — 26, в Литве — 15, Эстонии — 26, Латвии — 30, в Карелии — 2, в Молдавии — 4. Почти полностью вывезены экспонаты картинной галереи Курска, музея изобразительных искусств Ростова-на-Дону, художественного музея Смоленска, картинной галереи Симферополя. Фашисты разграбили в нашей стране 43 тысячи библиотек. Среди них библиотеку Академии наук Белоруссии, университетские библиотеки Вильнюса и Тарту. Только из библиотек оккупированного Подмосковья они вывезли 3 миллиона томов.